

СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ РОССИНСКИЙ

Институт государства и права Российской академии наук
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, д. 10
E-mail: igpran@igpran.ru
SPIN-код: 8295-9884

DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-2-rossinskiy

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУЩНОСТИ ВЕЩЕСТВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается сущность и предназначение вещественных доказательств как автономных средств уголовно-процессуального доказывания, в отрыве от взаимосвязанных с ними иных познавательных ресурсов, находящихся в распоряжении органов предварительного расследования и суда.

В этой связи подвергаются критике традиционные доктринальные позиции по данному вопросу, которые представляются недостаточно точными, лишёнными конкретности, не позволяющими разграничить вещественные доказательства с результатами (протоколами) следственных и судебных действий, результатами оперативно-розыскных и административных мероприятий органов исполнительной власти, заключениями эксперта. Выявляется основная причина, предопределившая возникновение подобных позиций и соответствующей правоприменительной практики — невозможность разграничить вещественные доказательства с происходящими с ними процессами ввиду существующих от природы особенностей мыслительной деятельности любого разумного человека, тем более натренированного, имеющего профильные знания и практический опыт специалиста в области уголовной юстиции, способного производить в своем сознании сложнейшие мыслительные операции, далеко не всегда отдавая себе отчет в их характере и содержании, мгновенно выстраивать логические цепочки, приходиться к соответствующим выводам и умозаключениям, не замечая отдельных звеньев своих рассуждений.

Для формирования более четкой и понятной доктринальной основы вещественных доказательств, исключающей правовую неопределенность соответствующих положений закона и снижающей риски практических ошибок и трудностей, в статье предлагается ранее уже апробированный в части рассмотрения других средств доказывания научный подход, подразумевающий выявление выполняемой ими роли в общем механизме установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и обоснования следственных либо судебных правоприменительных актов.

В результате формулируется вывод о том, что само по себе вещественное доказательство позволяет установить лишь факт своего собственного существования в объективной реальности, тогда как, будучи встроенным в общую сово-

купность имеющихся в арсенале дознавателя, следователя, суда средств доказывания, оно приобретает иной смысл — выступает связующим звеном между другими информационными ресурсами, тем самым способствуя формированию общей логической цепочки аргументов и суждений, предопределяющих исход уголовного дела либо установление какого-то промежуточного факта. Отмечается, что основная познавательная ценность вещественных доказательств состоит в возможности их сохранения в неизменном виде при уголовном деле, т.е. своеобразной процессуальной консервации, предполагающей способность быть представленным для визуального обозрения в любой момент уголовного судопроизводства. На основании изложенного высказываются отдельные критические замечания в отношении существующей в настоящее время нормативной регламентации вещественных доказательств, предлагаются варианты оптимизации уголовно-процессуального законодательства, предопределяющие упрощение следственно-судебной практики.

Ключевые слова: вещественные доказательства, заключение эксперта, предмет доказывания, результаты оперативно-розыскных мероприятий, результаты следственных действий; следственный осмотр; средства доказывания, уголовно-процессуальное познание

SERGEY B. ROSSINSKIY

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation
E-mail: igpran@igpran.ru
SPIN code: 8295-9884

REFLECTIONS ON THE ESSENCE OF PHYSICAL EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. The article examines the essence and purpose of physical evidence as autonomous means of criminal procedural proof in isolation from other cognitive resources at the disposal of the preliminary investigation and the court and interconnected with physical evidence.

In this regard, the author criticizes traditional doctrinal approaches concerning the issue under consideration. Traditional doctrinal approaches seem to be insufficiently accurate and devoid of specificity, which prevents distinguishing physical evidence from the results (protocols) of investigative and judicial actions, the results of operational search and administrative measures of executive authorities, expert opinions. The main reason that predetermined the emergence of such approaches and the corresponding law enforcement practice has been determined — the inability to distinguish physical evidence from the processes occurring with them due to the na-

turally existing peculiarities of the mental activity of any reasonable person, especially of a trained person having specialized knowledge and practical experience in the field of criminal justice, who is capable of performing complex mental operations in his mind, who is not always aware of their nature and content instantly building logical chains and who comes to appropriate conclusions and decisions without paying attention to separate elements of his reasoning.

In order to form a clearer and more understandable doctrinal basis of physical evidence, eliminate legal uncertainty of the relevant provisions of the law and reduce the risks of practical errors and difficulties, the article proposes a scientific approach that has already been tested in terms of considering other means of proof, implying the identification of their role in the general mechanism of establishing circumstances relevant to a criminal case and substantiating investigative or judicial law enforcement acts.

As a result, the author concludes that the physical evidence itself allows us to establish only the fact of its actual existence in objective reality, while being embedded in the total set of evidentiary means available in the arsenal of the inquirer, investigator, court, it acquires a different meaning — it acts as a link between other information resources, thereby contributing to the formation of a common logical chain of arguments and judgments that predetermine the outcome of a criminal case or determination of some intermediate fact. It is noted that the main cognitive value of physical evidence is expressed in the possibility of their preservation unchanged in a criminal case, i.e. a kind of procedural preservation, assuming the ability to be presented for visual review at any moment of criminal proceedings. On the basis of the above, the author provides some critical comments regarding the currently existing normative regulation of physical evidence and proposes options for optimizing criminal procedural legislation predetermining simplification of investigative and judicial practice.

Keywords: physical evidence, expert opinion, fact in proof, results of operational search activities, results of investigative actions, investigative examination, means of proof, criminal procedural cognition

1. Введение

Вещественные доказательства — одни из традиционных и самых известных средств судебного доказывания. Они активно использовались в уголовном судопроизводстве начиная с древних времен, о чем наглядно свидетельствуют архаичные своды законов (так называемые правовые памятники) многих рабовладельческих и феодальных государств¹. Поэтому нет ничего необычного в том, что феномен вещественных доказательств достаточно подробно рассмотрен в уголов-

¹ См.: *Выдря М.М.* Вещественные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 5.

но-процессуальной доктрине и освещен во множестве российских (советских) и зарубежных публикаций.

Вещественным доказательствам уделяли весьма пристальное внимание еще дореволюционные авторы, которые понимали под ними как любые объекты материального мира, отражающие обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела в целом (вещественные доказательства в широком смысле), так и предметы, сохранившие на себе следы преступления, в частности (вещественные доказательства в узком смысле)². Схожие позиции неоднократно высказывали и советские ученые-процессуалисты, которые обычно писали о вещественных доказательствах как о материальных объектах, находящихся или находившихся в определенной связи с предметом доказывания по уголовному делу, в том числе возникших или изменившихся под влиянием подлежащих установлению, а также предшествующих, сопутствующих им или следующих за ними обстоятельств.

Вместе с тем подобные точки зрения не предполагали абсолютного тождества; они характеризовались известной степенью вариативности, отличаясь друг от друга различными оттенками. Например, один из «классиков» советского уголовного процесса М.С. Строгович, раскрывая понятие вещественного доказательства, в свойственной ему манере делал упор на процессуальную форму, на предусмотренные законом правовые условия, позволяющие использовать тот или иной предмет в качестве средства установления существенных для уголовного дела обстоятельств³. М.М. Выдря особо подчеркивал двуединое предназначение вещественных доказательств — настаивал на их познавательной ценности как для изобличения виновного, так и оправдания невиновного лица⁴. Аналогичную точку зрения можно встретить и в других известных работах по указанной проблематике. Н.А. Селиванов писал о пользе вещественных доказательств для различных этапов уголовного судопроизводства. Одновременно автор обращал внимание на необходимость надлежащего оформления решения о приобщении предмета в качестве вещественного доказательства к материалам уголовного дела. Представитель венгерской процессуальной школы И. Кертэс считал вещественными доказательствами

² См.: *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства: В 2 т. СПб., 1910. Т. 2. С. 294; *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство — судопроизводство. СПб., 1913. С. 393 и др.

³ См.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: В 2 т. Т. 1. М., 1968. С. 453.

⁴ См.: *Выдря М.М.* Указ. соч. С. 45.

попавшие в ведение следователя либо суда предметы, которые были зафиксированы в ходе процессуальных действий и содержат сведения об элементарных актах отражения событий⁵.

Этот же подход к сущности вещественных доказательств в целом сохранился и в постсоветский период развития процессуальной доктрины. Например, в известной монографии Ю.К. Орлова, посвященной современным проблемам доказывания в уголовном процессе, под вещественными доказательствами понимаются материальные последствия, вызванные преступными действиями (бездействием) и выраженные в возникновении, видоизменении либо перемещении каких-либо элементов вещной обстановки⁶. В.А. Лазарева предлагает признавать вещественными доказательствами любые материальные источники информации, связанной с предметом следственного или судебного познания, и способствующие установлению обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела⁷. А.В. Кудрявцева и Ю.В. Худякова называют вещественными доказательствами полученные в предусмотренном законом порядке результаты отображения преступления либо его следов в материальной обстановке, позволяющие субъектам доказывания «считать» информацию, запечатленную в свойствах соответствующих предметов⁸. К слову, достаточно близкие позиции о сущности вещественных доказательств высказываются в публикациях, посвященных иным сферам судебного доказывания, в частности, доказыванию по гражданским делам⁹.

В принципе все подобные позиции представляются лежащими в правильном направлении. Их бесспорность не может вызывать никаких сомнений хотя бы потому, что понимание вещественных доказательств как объектов материального мира, как элементов вещной обстановки напрямую вытекает из их названия, образованного от слова «вещь», коим в юриспруденции принято обозначать осязаемый предмет, созданный природой или действиями человека.

⁵ См.: *Кертэс И.* Основы теории вещественных доказательств. М., 1973. С. 25.

⁶ См.: *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 152.

⁷ См.: *Лазарева В.А.* Доказывание в уголовном процессе: Учеб.-практич. пособие. М., 2009. С. 305.

⁸ См.: *Кудрявцева А.В., Худякова Ю.В.* Вещественные доказательства в уголовном процессе России. Челябинск, 2006. С. 36–37.

⁹ См., например: *Треушников М.К.* Судебные доказательства. М., 1997. С. 246; *Власов А.А.* Вещественные доказательства в гражданском процессе. М., 1999. С. 10 и др.

2. Недостатки традиционного подхода к пониманию вещественных доказательств

Вместе с тем при более детальном погружении в тонкости уголовно-процессуальной доктрины, нюансы законодательства и хитросплетения правоприменительной практики такие суждения начинают казаться весьма абстрактными, размытыми, неточными, лишенными достаточной доли конкретности. Иными словами, многие изложенные в научной литературе позиции представляются сформулированными в самом общем виде, подразумевающими высокую степень объективности, рассчитанными не столько на профессионалов, сколько на дилетантов-любителей, проявляющих некоторый интерес к расследованию и судебному разбирательству уголовных дел.

Именно с этим можно связать и вышеуказанные идеи о двойственном доктринальном толковании вещественных доказательств (в широком и узком смыслах), которые, возникнув еще до революции, были присущи большинству советских публикаций и продолжают высказываться рядом современных авторов. Даже во многих издаваемых по сей день учебниках и учебных пособиях по уголовному процессу под вещественными доказательствами, с одной стороны, понимаются предметы, подпадающие под правовой режим, установленный ст. 81–82 УПК РФ, а с другой — любые материальные объекты, противопоставленные личным доказательствам, т.е. сведениям, протекающим от каких-либо лиц. Кстати, последнее (широкое) понимание вещественных доказательств, как и само разделение доказательств на личные и вещественные, в настоящее время вообще является устаревшим и потерявшим актуальность. Ведь сегодняшние средства доказывания по сравнению с дореволюционным и советским периодами развития уголовного судопроизводства характеризуются гораздо большим многообразием — в судебной и следственной практике все чаще используются информационные ресурсы, которые не являются ни предметами, ни сведениями, извлеченными из сознания человека, например, сформированные автоматическим способом различные справки, выписки, фискальные чеки и т.п.

Неконкретность доктринальных позиций о сущности вещественных доказательств, вне всяких сомнений, оказывает достаточно деструктивное влияние на соответствующие положения уголовно-процессуального законодательства, что, в свою очередь, приводит к правовой неопределенности, обуславливает затруднения и ошибки в правоприменительной практике. Тем более что подавляющее боль-

шинство подобных позиций, к великому сожалению, не подразумевает особой научной «свободы» и оригинальности, а напротив, предполагает высокую степень зависимости от положений закона. Некоторые авторы вообще особо не утруждали себя теоретическими изысками, освещая сущность вещественных доказательств посредством простого пересказа соответствующих статей того или иного уголовно-процессуального кодекса¹⁰. В итоге доктрина и законодательство в части правовой регламентации вещественных доказательств на протяжении длительного времени находятся в состоянии «замкнутого круга»: ученые пересказывают закон; законодатель, опираясь на подобные научные «позиции», не предпринимает особых попыток пересмотра многолетних подходов к пониманию вещественных доказательств, а вынужденные законодательные поправки (например, п. 2.1 ч. 1, п. 2.1, 4.1 ч. 3 ст. 81, ст. 81.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ) и др.) разрабатываются и принимаются весьма спонтанно, импульсивно, без надлежащей доктринальной опоры.

Во всяком случае понимание вещественных доказательств как любых материальных объектов, способствующих установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, невольно упирается в целый ряд достаточно глупых, наивных, но тем не менее не предполагающих какой-либо ясности вопросов. Например, не совсем понятно, почему вещественным доказательством нельзя признавать труп или возникшие вследствие криминального поведения повреждения на теле живого человека (переломы, раны, ссадины, кровоподтеки и т.д.), которые тоже являются типичными материальными следами преступления? Также неясно, почему вещественным доказательством не признается обстановка какого-либо места (помещения, сооружения, участка местности), в частности, беспорядочно разбросанные на месте квартирной кражи вещи, сгоревший дом и тому подобные материальные объекты? Многообразие современных форм преступной деятельности и механизмов следообразования предопределяет и другие подобные вопросы.

Конечно, на первый взгляд многие из них вообще не представляют какого-либо научного интереса. Эти вопросы уже давно урегулированы сложившейся за долгие годы правоприменительной практикой, подкреплены множеством криминалистических рекомендаций и, та-

¹⁰ См., например: Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М., 1989. С. 598; *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. С. 203 и др.

ким образом, не вызывают никаких ощутимых затруднений в деятельности органов предварительного расследования и судов (собственно говоря, поэтому данные вопросы и были названы достаточно глупыми и наивными). Скорее всего, любой практикующий в сфере уголовного судопроизводства юрист (дознаватель, следователь, прокурор, адвокат, судья), ни минуты не раздумывая, скажет, что место происшествия или труп надлежит лишь осмотреть, а повреждения на теле живого человека — лишь освидетельствовать, не признавая ни один из указанных материальных объектов вещественным доказательством. Подобные алгоритмы являются для него само собой разумеющимися — именно так его учили в вузе, а после выхода на работу наставляли «старшие товарищи».

Однако вопрос о причинах возникновения таких алгоритмов может привести его к растерянности, а любая выходящая за рамки шаблонности ситуация, связанная с появлением в уголовном деле какого-то нестандартного материального объекта, — ввести в состояние правовой беспомощности¹¹. По крайней мере, как уже отмечалось выше, ни положения закона, ни доступные на сегодняшний день доктринальные источники не содержат никаких внятных разъяснений или указаний, позволяющих правоприменителю самостоятельно преодолеть подобные затруднения.

¹¹ В этой связи вспоминается уголовное дело, находившееся в производстве автора настоящей статьи, во время прохождения службы в Следственном управлении ГУВД г. Москвы. Расследованием было установлено, что действующие в составе организованной группы лица совершили мошенничество, а именно путем изготовления поддельных документов незаконно приобрели право собственности на морской сухогруз «Лаверна». Судно было приписано к одному из портов РФ, однако на момент возбуждения уголовного дела находилось в порту г. Салоники, где было арестовано греческими властями за долги, накопившиеся ввиду длительной неуплаты портовых сборов. В связи с тем, что сухогруз являлся объектом преступного посягательства, встал вопрос о его признании вещественным доказательством (ст. 83 действующего на тот момент УПК РСФСР 1960 г.). Вопрос обусловил некоторое замешательство. Так, с одной стороны, имелись все основания для принятия подобного решения, однако с другой — отсутствовала фактическая возможность проведения соответствующей юридической процедуры, в частности, выполнения предусмотренных ст. 84 УПК РФ требований, обязывающих осмотреть, сфотографировать, опечатать данное судно, а также самостоятельно определить место его нахождения (хранения). О возникших трудностях было доложено заместителю начальника Следственного управления, который дал указание о признании судна вещественным доказательством без выполнения указанных требований. С тех пор прошло без малого 25 лет, на протяжении которых автора настоящей статьи не покидает вопрос о правомерности принятия такого решения.

Более того, современные тенденции развития уголовного судопроизводства, обусловленные научно-техническим прогрессом, постоянным появлением новых способов фиксации полезных сведений, все чаще вызывают потребность в приобщении к материалам уголовных дел и определения юридического состояния (статуса) различных небумажных источников информации: аудио- и видеозаписей, носителей цифровой информации и т.д. Все указанные информационные ресурсы тоже являются материальными объектами, способствующими установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, внешне весьма напоминают классические вещественные доказательства, т.е. приводят к еще большей правовой неопределенности, к введению в УПК РФ неразумных предписаний, к многочисленным ошибкам и трудностям в правоприменительной практике. В частности, в публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно обращалось внимание на совершенно деструктивные, искажающие весь смысл дифференциации средств доказывания правовые конструкции, предполагающие приобщение к уголовному делу в качестве вещественных доказательств материалов контроля и записи переговоров (ч. 8 ст. 186 УПК РФ), а также информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. (ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ). Кроме того, автор неоднократно указывал на ошибочность распространенной на сегодняшний день следственной практики, выраженной в признании вещественными доказательствами аудио-, видеозаписей и тому подобных материалов дополнительной фиксации следственных действий, которые, не имея значения самостоятельных (автономных) средств доказывания, могут расцениваться лишь как наглядные приложения к соответствующим протоколам, т.е. исключительно в контексте ч. 8 ст. 166 УПК РФ¹².

3. Основание целесообразности авторского подхода к сущности вещественных доказательств

Таким образом, в современных условиях уже давно назрела необходимость в формировании более четкой и понятной доктринальной основы вещественных доказательств, предполагающей надлежащую степень конкретности, исключаящую, по крайней мере уменьшающую, правовую неопределенность соответствующих положений за-

¹² См.: *Россинский С.Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021. С. 229–230, 329.

кона и, следовательно, снижающую риски возможных трудностей и ошибок, неизбежно возникающих в правоприменительной практике. Причем указанную задачу (как и всякую другую задачу, связанную с пониманием подлинной сущности любого средства уголовно-процессуального доказывания) надлежит решать, не отталкиваясь от нормативной регламентации вещественного доказательства (это не дает возможности разорвать тот самый «замкнутый круг»), а исходя из фактического предназначения данного познавательного ресурса, т.е. из выполняемой им роли в общем механизме установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и обоснования приговоров, иных следственных либо судебных правоприменительных актов. Подобный и, как представляется, единственно верный подход к пониманию вещественных доказательств позволит правильно определить их подлинную сущность и, самое главное, сформулировать четкие критерии для их отграничения от других, схожих по некоторым параметрам, средств уголовно-процессуального доказывания: иных документов, результатов (протоколов) невербальных следственных и судебных действий, результатов оперативно-розыскной деятельности и т.д. Он же предопределяет возможность совершенствования существующих правовых механизмов признания тех или иных предметов вещественными доказательствами и их приобщения к уголовному делу, сможет оказать влияние на внесение разумных поправок в УПК РФ и оптимизацию практической деятельности.

В этой связи необходимо обратить особое внимание, что высказанный тезис — о возможности подлинного понимания сущности любого из используемых в судебно-следственной практике познавательных ресурсов не иначе как посредством определения его роли в общем механизме уголовно-процессуального доказывания — вовсе не является голословным, не предполагает ничем не подтвержденную научную фантазию. Такой подход ранее был надлежащим образом обоснован в прежних публикациях автора и апробирован на других средствах доказывания. В частности, именно он позволил автору в своей докторской диссертации выявить и всесторонне исследовать сущность предусмотренных ст. 83 УПК РФ результатов (протоколов) невербальных следственных и судебных действий. Этот же подход был удачно использован одним из учеников автора — А.В. Вытовтовым — при распознавании сущности результатов оперативно-розыскной деятельности, что позволило сформулировать ряд доктринальных положений, предполагающих возможность их использования как полноценных и автономных средств уголовно-процессуального доказывания, и т.д.

4. Определение роли вещественных доказательств

В чем же состоит подлинное предназначение вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве? Какую роль выполняют эти познавательные ресурсы в общем механизме установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, и обоснования соответствующих правоприменительных решений?

На первый взгляд ответ на данный вопрос достаточно элементарен: любое вещественное доказательство позволяет выявить факт существования в объективной реальности некоего предмета, находившегося либо находящегося в определенной связи с подлежащими установлению по уголовному делу обстоятельствами, в том числе сохранившего следы-отображения таких обстоятельств. Вместе с тем при более глубоком осмыслении этого тезиса он представляется далеко не очевидным, предполагающим множество неясностей. В частности, что означает выявить факт существования предмета в объективной реальности? Видимо, просто воспринять его внешние признаки — понять, что это за предмет и (или) каковы его физические, химические и тому подобные свойства (форма, цвет, размер и проч.). Однако в таком случае не совсем ясно, каким образом, исследуя вещественное доказательство, дознаватель, следователь или суд способны осознать его связь с обстоятельствами, входящими в предмет доказывания по уголовному делу. Например, не понятно, каким образом государственный обвинитель, предъявляя вещественное доказательство в судебном заседании (фигурально выражаясь, размахивая перед судом полиэтиленовым пакетиком, в котором лежит нож, пистолет, наркотическое вещество и др.), докажет его взаимосвязь с событием преступления, личностью подсудимого и т.д.

Чтобы поставленные вопросы очередной раз не показались читателю чересчур глупыми и наивными, необходимо обратить внимание на одно важное обстоятельство. Как ни странно, но автору настоящей статьи достаточно хорошо известны механизмы уголовно-процессуального познания и доказывания, в том числе технологии работы с косвенными доказательствами, предполагающие опосредованное установление каких-либо фактов путем рассуждений, умозаключений и формулирования выводов, основанных на совокупности взаимосвязанных и выстроенных в логические цепочки сведений. Поэтому, задаваясь подобными вопросами, автор прекрасно понимает повсеместно используемые в правоприменительной практике возможности установления таких взаимосвязей через иные, промежуточные факты,

например факт обнаружения орудия взлома не где-нибудь, а именно на месте происшествия, факт нахождения вышеуказанных ножа, пистолета или наркотического вещества не у кого-нибудь, а именно у подозреваемого, факт определения тождества ранее обнаруженного следа пальца руки с одним из пальцев обвиняемого и т.д.

Однако такие сопутствующие факты устанавливаются и фиксируются не посредством самих вещественных доказательств, а путем грамотного использования других, находящихся с ними в логическом единстве (встроенных в те самые логические цепочки), но тем не менее отдельных информационных ресурсов. Говоря образно, на вещественном доказательстве не написано, откуда взялся данный предмет, как он попал в распоряжение дознавателя, следователя, суда и каким образом связан с предметом доказывания по тому или иному уголовному делу. Все эти сведения проистекают из иных источников — результатов (протоколов) следственных и судебных действий, результатов оперативно-розыскной деятельности, свидетельских показаний, заключений эксперта и т.д. К слову, фрагментом вещественного доказательства нельзя признать даже прикрепленную к предмету, предусмотренную криминалистическими рекомендациями специальную маркировочную бирку со сведениями о месте и обстоятельствах его обнаружения и изъятия — такие сведения всего лишь дублируют содержание протокола соответствующего процессуального действия, а сама бирка является не более чем дополнительным средством фиксации его хода и результатов, позволяющим создать дополнительные гарантии надежности факта взаимосвязи определенного предмета с обстоятельствами уголовного дела.

Основными источниками подобных сведений являются не бирки и, тем более, не сами вещественные доказательства, а документы (протоколы, заключения и проч.), отражающие результаты соответствующих следственных и судебных действий, судебных экспертиз, оперативно-розыскных мероприятий и т.д. Например, факты взаимосвязи каких-либо предметов с местом преступления, личностью обвиняемого (подозреваемого) и т.п. устанавливаются и фиксируются в ходе осмотра, обыска, иных невербальных следственных (судебных) или схожих по познавательной направленности оперативно-розыскных либо административно-правовых мероприятий¹³; факты

¹³ Проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной либо иной непроцессуальной деятельности не входят в предмет настоящей статьи; они подробно рассмотрены в других публикациях автора.

взаимосвязи предметов, в частности похищенного имущества, с личностью потерпевшего — в ходе допросов, предъявлений для опознания и проч.; особые свойства и признаки предметов, а также их идентификационное тождество с другими материальными объектами — в ходе судебных экспертиз и т.д., т.е. вследствие вербального или невербального (наглядно-образного) восприятия этих обстоятельств различными субъектами процессуального, а иногда и непроцессуального познания.

Другое дело, что в реальной правоприменительной практике потенциальные вещественные доказательства настолько тесно переплетены с происходящими с ними процессами, настолько сильно взаимосвязаны с обстоятельствами их обнаружения и изъятия, что дознавателю, следователю, прокурору, адвокату, судье и, в особенности, присяжным заседателям бывает достаточно сложно разграничить накопленные в ходе расследования и судебного разбирательства информационные ресурсы, определить подлинную познавательную роль каждого из них, уразуметь, где заканчивается зона действия одного средства доказывания (вещественного доказательства) и начинается зона действия другого (результата следственного действия, оперативно-розыскного мероприятия, экспертного заключения и проч.). Причем, как это ни парадоксально, причина возникновения подобных трудностей обусловлена развитыми умственными способностями и навыками логического мышления, которыми от природы наделен каждый *homo sapiens*, т.е. сводится к своего рода «горю от ума». Ввиду обладания столь мощным интеллектуальным потенциалом любому человеку свойственно постоянно производить в своем сознании сложнейшие мыслительные операции, далеко не всегда отдавая себе отчет в их характере и содержании. Он способен практически неосознанно и почти молниеносно выстраивать весьма витиеватые логические цепочки, приходиться к соответствующим выводам и умозаключениям, зачастую просто не замечая «мелких деталей» и «проскакивая» отдельные звенья своих рассуждений. Представляется, что в части уголовно-процессуального доказывания как совокупности познавательных приемов и аргументационно-логических операций в качестве подобных мелких деталей, обуславливающих отдельные звенья рассуждений, как раз и выступают единичные информационные ресурсы, в том числе вещественные доказательства. Для хорошо натренированного, к тому же, как правило, подкрепленного профильными знаниями и профессиональным опытом разума следователя, прокурора,

адвоката, судьи, других субъектов доказывания свойственно обрабатывать все накопленные сведения сразу, в совокупности, молниеносно выстраивать их в логическую цепочку и делать моментальный вывод, в первую очередь, если установление соответствующего факта не предполагает сложности и (или) укладывается в стандартный алгоритм расследования или судебного разбирательства уголовного дела о типичном преступлении.

К сожалению, ученые-процессуалисты никогда не обращали внимание на эту особенность работы с доказательствами. По крайней мере, во многих публикациях, посвященных вещественным доказательствам, допускается точно такое методологическое упущение, обусловленное развитыми умственными способностями и навыками логического мышления любого разумного человека, — высказывается позиция, игнорирующая единичную (автономную) познавательную роль какого-либо предмета (потенциального вещественного доказательства) и предполагающая слияние этого объекта и факта его обнаружения в некий интегрированный информационный ресурс. Например, в известной монографии Г.Ф. Горского, Л.Д. Кокорева и П.С. Элькинд отмечается, что процессуальная форма вещественных доказательств помимо прочего включает протоколы следственных действий, отражающие место и условия их обнаружения¹⁴. Н.А. Попова предлагает считать вещественным доказательством предмет в совокупности со сведениями о месте и времени его обнаружения, с результатами проведенных в отношении него судебных экспертиз¹⁵. Схожие позиции высказывает и многие другие ученые.

Кстати, неприемлемость подобного подхода обуславливается не только и не столько вышеизложенными теоретическими рассуждениями; она наглядно подтверждается и множеством примеров из повседневной правоприменительной практики, связанных с установленными законом возможностями представления либо истребования предметов без производства следственных, судебных или иных процессуальных действий. Так, в прежних публикациях автора настоящей статьи рассматривался достаточно типичный случай: похищенное в ходе карманной кражи портмоне после извлечения из него всего «ценного» было незамедлительно выброшено преступником в мусор-

¹⁴ См.: *Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 183.

¹⁵ См.: *Попова Н.А.* Вещественные доказательства: сборание, представление и использование их в доказывании: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 9.

ный бак, а позднее обнаружено случайным прохожим и возвращено потерпевшему (его телефон был указан на оставшихся в портмоне визитных карточках). Последний, незамедлительно сообщил о случившемся следователю и добровольно передал найденную вещь для общения к уголовному делу. В описанной ситуации не проводилось никаких следственных или иных процессуальных действий, направленных на выявление связей представленного объекта с обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу, кроме дополнительного допроса потерпевшего и допроса в качестве свидетеля обнаружившего портмоне прохожего, результаты которых вряд ли можно было хоть как-то увязать с событием преступления и совершившим его лицом. Однако имелись все основания для признания портмоне вещественным доказательством — как предмета, на который были направлены преступные действия. В правоприменительной практике встречается и множество других подобных случаев. Тем более что ни одна из предусмотренных ч. 1 ст. 81 УПК РФ правовых гипотез не предполагает необходимости обязательного обнаружения потенциального вещественного доказательства в определенном месте (у определенного лица), его предъявления для опоздания, проведения в отношении него экспертных исследований и т.д.

По всей вероятности, именно поэтому отдельные ученые-процессуалисты, рассматривая вещественные доказательства, занимают еще более радикальную позицию — полностью обесценивают сведения о самом предмете и придают значение лишь информации, выявленной в результате проведенных в отношении него процессуальных действий. В частности, Ю.П. Боруленков отмечает, что познавательную ценность имеет не сама вещь (для примера приводится нож), а вещь, найденная в определенном месте и в определенное время, вещь, на которой обнаружены более мелкие следы преступления (кровь, микроволокна и т.п.). В связи с чем ученый приходит к выводу, что после «снятия» необходимой информации в ходе проведения следственных действий предмет лишается познавательной ценности, в том числе отпадает и потребность в его представлении суду¹⁶. Похожую точку зрения можно обнаружить и в публикациях А.В. Смирнова, считающего основным значением и главной ценностью вещественных доказательств их связь с сопутствующими доказательственными фактами¹⁷.

¹⁶ См.: *Боруленков Ю.П.* Юридическое познание. М., 2014. С. 298.

¹⁷ См.: *Смирнов А.В.* Что считать вещественным доказательством // Уголовный процесс. 2011. № 4. С. 31–32.

П.В. Козловский вообще полагает, что вещественное доказательство в принципе не подлежит признанию отдельным средством доказывания, а порядок фиксации воспринимаемых методом наблюдения сведений нуждается в унификации¹⁸.

Согласиться с подобными высказываниями достаточно сложно. В противном случае вещественные доказательства вряд ли вообще смогли бы на протяжении столь длительного времени сохранять свое место в системе средств доказывания и входить в сферу уголовно-процессуального регулирования. Законодатель и правоприменительная практика просто отказались бы от их использования, заменив более удобными для работы и, самое главное, хранения информационными ресурсами, в первую очередь протоколами их осмотров. К слову, именно такими способами — посредством проведения осмотров, фотографирований, видеозаписей и т.д. — и обеспечивается фиксация и сохранность соответствующих сведений в случаях, предполагающих невозможность либо нецелесообразность длительного нахождения при уголовном деле «нестандартных» по форме или свойствам предметов (например, ч. 2 ст. 82 УПК РФ).

Однако повсеместная и безусловная замена самого предмета (вещественного доказательства) материалами, отражающими его визуальное восприятие полномочными субъектами доказывания в ходе предварительного расследования или даже судебного разбирательства, представляется неразумной, снижающей познавательный потенциал соответствующих сведений, приводящей к производности используемых информационных ресурсов и, как следствие, к гораздо меньшей объективности формулируемых выводов, лежащих в основу приговоров либо иных правоприменительных актов. Ведь для любых последующих правоотношений составляемые в ходе осмотров или других подобных процессуальных действий (освидетельствований, обысков и т.д.) протоколы по сравнению с непосредственно воспринимаемыми материальными объектами всегда будут характеризоваться некоторой познавательной ущербностью, считаться полученными «из вторых рук». В частности, на производный характер следственных протоколов для предстоящего судебного разбирательства еще в 1949 г. обращал внимание В.Я. Лившиц. Между предметом самого процессуального действия, справедливо писал автор, и содержанием протокола существует еще одно звено — личность его автора с присущими ей вос-

¹⁸ См.: *Козловский П.В.* Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение. М., 2014. С. 148.

приятием, памятью, умением правильно описать увиденное¹⁹. Позднее эти идеи высказывались и другими учеными.

Тогда как приобщенное к уголовному делу вещественное доказательство, напротив, характеризуется своей натуральностью, способностью к восприятию именно в том виде, в котором ранее попало в орбиту обстоятельств, входящих в предмет доказывания, либо который приобрело ввиду таких обстоятельств. Представляется, что именно в этом и состоит основное предназначение вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве! Именно в этом и заключается их основная роль в общем механизме установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, и обоснования соответствующих правоприменительных решений.

5. Выводы

Итак, само по себе вещественное доказательство в отрыве от других находящихся с ним в логической взаимосвязи (встроенных совместно с ним в общую цепь рассуждений) информационных ресурсов представляет интерес для доказывания лишь фактом своего существования в объективной реальности. Оно как бы наглядно демонстрирует само себя, осуществляет некую «самопрезентацию», направляя в адрес дознавателя, следователя, суда, иных участников уголовного судопроизводства четкий и понятный информационный посыл: данный предмет с присущими ему внешними признаками и свойствами действительно существует, а не является чьей-то выдумкой, видением, фантомом, не порожден чьей-то фантазией или воображением.

Между тем, будучи встроенными в совокупность имеющихся в арсенале дознавателя, следователя, суда средств доказывания, вещественные доказательства приобретают принципиально иной смысл, начинают выполнять новую, уже не столько познавательную, сколько аргументационно-логическую роль. Ввиду их обнаружения, исследования или изъятия в ходе процессуальных действий, оперативно-розыскных или административных мероприятий, вещественные доказательства достаточно часто выступают связующими звеньями между соответствующими познавательными результатами (например, между результатом осмотра, позволившего обнаружить след пальца руки, и выводом эксперта, установившего идентичность этого следа с одним

¹⁹ См.: Лившиц В.Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе / Отв. ред. М.С. Строгович. М.; Л., 1949. С. 118.

из пальцев обвиняемого), т.е. способствуют формированию общей логической цепочки аргументов и суждений, предопределяющих исход уголовного дела в целом либо возможность (невозможность) установления какого-то промежуточного факта в частности.

А основная познавательная ценность вещественного доказательства состоит в возможности его сохранения в неизменном виде при уголовном деле (в ином определенном дознавателем, следователем, судом месте) — в своеобразной процессуальной «консервации», предполагающей способность быть представленным для визуального обозрения в любой момент уголовного судопроизводства: в ходе предварительного расследования, судебного следствия, апелляционного производства и т.д. Именно этим вещественные доказательства заметно выигрывают у результатов следственных (судебных) действий, направленных на визуальное восприятие каких-либо материальных фрагментов объективной реальности, в первую очередь осмотра и его процессуальных вариаций: освидетельствования и проверки показаний на месте.

В публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно обращалось внимание на основное предназначение подобных приемов, сводящееся к отражению в сознании субъекта-познавателя и фиксации в материалах уголовного дела тех фрагментов окружающей реальности, которые в силу ряда причин не могут быть сохранены в первоизданном виде для последующего восприятия в ходе дальнейших правоотношений, в частности судебного разбирательства. Таковыми, например, являются места происшествий с присущей им обстановкой, взаиморасположением отдельных предметов относительно друг друга, нахождением на них следов преступления и т.п. Указанные места нельзя ни «законсервировать», ни, тем более, изъять, т.е. приобщить к уголовному делу и сохранить для последующего восприятия в том виде, в котором они представляются для обозрения выезжающим «по сигналу» дежурным следователям или дознавателям. Подобная «сохранность» реально обеспечивается лишь путем проведения осмотров мест происшествий, материалы которых, пусть не так хорошо, как предъявляемые в натуре вещественные доказательства, позволяют другим субъектам доказывания усвоить сведения об обнаруженных материальных объектах, их признаках, свойствах, состоянии и взаиморасположении. Очевидно, что в сказанном кроются и ответы на поставленные выше вопросы, почему вещественным доказательством нельзя признавать труп, возникшие вследствие криминального поведения повреждения на теле живого человека и т.п. — все указан-

ные объекты ввиду понятных причин тоже непригодны для сохранности и приобщения к материалам уголовного дела в неизменном виде.

Кстати, в этой связи хорошо заметна и явная ошибка законодателя, выраженная в предписании проводить осмотр любого предмета, подлежащего признанию вещественным доказательством (ч. 2 ст. 81 УПК РФ). Ввиду того, что хранимое при уголовном деле вещественное доказательство в любой момент производства может быть «извлечено из сейфа» и визуально воспринято любым правомочным субъектом в натуральном виде, подобное требование представляется достаточно странным. Однако ему есть вполне понятное объяснение: по всей вероятности, авторы УПК РФ просто запутались в уголовно-процессуальной терминологии — перепутали осмотр как следственное (судебное) действие с неким не нуждающимся в четкой законодательной регламентации визуальным обследованием предмета в целях выявления его внешних признаков и свойств²⁰. Предпринятый выше подход к пониманию вещественных доказательств также предопределяет весьма критическую оценку ряда положений УПК РФ, допускающих возможность признания вещественными доказательствами крупногабаритных и иных объектов, не предрасположенных к хранению при уголовном деле, чему автор настоящей статьи планирует посвятить последующие публикации.

Поэтому в завершении хотелось бы выразить надежду на более внимательное отношение законодателя к доктринальным изысканиям ученых-процессуалистов, искренне желающих оказать посильное содействие в формировании наиболее оптимальной и приемлемой для современной России системы уголовного судопроизводства и соответствующей правоприменительной практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Боруленков Ю.П.* Юридическое познание. М.: Юрлитинформ, 2014.
- Власов А.А.* Вещественные доказательства в гражданском процессе. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1999.
- Выдря М.М.* Вещественные доказательства в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1955.
- Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1978.
- Кертэс И.* Основы теории вещественных доказательств. М.: ВНИИ МВД СССР, 1973.

²⁰ Подробнее см.: *Россинский С.Б.* Указ. соч. С. 274–277.

Козловский П.В. Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение. М.: Юрлитинформ, 2014.

Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1995.

Кудрявцева А.В., Худякова Ю.В. Вещественные доказательства в уголовном процессе России. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006.

Курс советского уголовного процесса. Общая часть / Под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М.: Юридическая литература, 1989.

Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. М.: Высшее образование, 2009.

Лившиц В.Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе / Отв. ред. М.С. Строгович. М.; Л.: АН СССР, 1949.

Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009.

Попова Н.А. Вещественные доказательства: собирание, представление и использование их в доказывании: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов: СЮИ МВД России, 2007.

Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М.: Норма, 2021.

Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство—судопроизводство. 4-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913.

Смирнов А.В. Что считать вещественным доказательством // Уголовный процесс. 2011. № 4. С. 28—32.

Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1968.

Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 1997.

Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: В 2-х тт. 3-е изд. Т. 2. СПб.: Сенатская тип., 1910.

REFERENCES

Borulenkov, Yu.P. (2014). *Yuridicheskoe poznanie* [Legal Knowledge]. Moscow: Yurlitinform. (in Russ).

Vlasov, A.A. (1999). *Veshchestvennye dokazatel'stva v grazhdanskom processe* [Material Evidence in Civil Proceedings]. Moscow: Ed. Sabashnikovyh. (in Russ).

Vydrya, M.M. (1955). *Veshchestvennye dokazatel'stva v sovetskom ugovnom processe* [Material Evidence in the Soviet Criminal Process]. Moscow: Gosyurizdat. (in Russ).

Gorskiy, G.F., Kokorev, L.D. and El'kind, P.S. (1978). *Problemy dokazatel'stv v sovetskom ugovnom processe* [Problems of Evidence in the Soviet Criminal Process]. Voronezh: Voronezh State University. (in Russ).

Kertes, I. (1973). *Osnovy teorii veshchestvennykh dokazatel'stv* [Fundamentals of the Theory of Physical Evidence]. Moscow: VNII MVD SSSR. (in Russ).

Kozlovskiy, P.V. (2014). *Vidy dokazatel'stv v ugovnom sudoproizvodstve: evolyuciya, reglamentaciya, sootnoshenie* [Types of Evidence in Criminal Proceedings: Evolution, Regulation, Correlation]. Moscow: Yurlitinform. (in Russ).

Kokorev, L.D. and Kuznecov, N.P. (1995). *Ugolovnyj process: dokazatel'stva i dokazyvanie* [Criminal Procedure: Evidence and Proof.]. Voronezh: Voronezh State University. (in Russ).

Kudryavceva, A.V. and Hudyakova, Yu.V. (2006). *Veshchestvennye dokazatel'stva v ugo-lovnom processe Rossii* [Material Evidence in the Criminal Process of Russia]. Che-lyabinsk: Poligraf-Master. (in Russ).

Bojkov, A.D. and Karpec, I.I. eds. (1989). *Kurs sovetskogo ugovnogo processa. Ob-shchaya chast'* [The Course of the Soviet Criminal Process. A Common Part]. Moscow: Yuridicheskaya Literatura. (in Russ).

Lazareva, V.A. (2009). *Dokazyvanie v ugovnom processe: uchebno-prakticheskoe posobie* [Evidence in Criminal Proceedings: Educational and Practical Guide]. Moscow: Vysshee obrazovanie. (in Russ).

Strogovich M.S. eds. (1949). Livshic, V.Ya. *Princip neposredstvennosti v sovetskom ugovnom processe* [The Principle of Immediacy in the Soviet Criminal Process]. Mos-cow—Leningrad: AN SSSR. (in Russ).

Orlov, Yu.K. (2009). *Problemy teorii dokazatel'stv v ugovnom processe* [Problems of the Theory of Evidence in Criminal Proceedings]. Moscow: Yurist. (in Russ).

Popova, N.A. (2007). *Veshchestvennye dokazatel'stva: sobiranie, predstavlenie i is-pol'zovanieih v dokazyvanii* [Material Evidence: Collecting, Presenting and Using Them in Proof]. The Candidate of Legal Sciences Thesis' Abstract. Saratov, Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (in Russ).

Rossinskiy, S.B. (2021). *Dosudebnoe proizvodstvo po ugovnomu delu: sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv* [Pre-trial Proceedings in a Criminal Case: The Essence and Methods of Collecting Evidence]. Moscow: Norma. (in Russ).

Sluchevskii, V.K. (1913). *Uchebnik russkogo ugovnogo processa. Sudoustrojstvo—su-doproizvodstvo* [Textbook of Russian Criminal Procedure. Judicial System — Legal Pro-ceedings]. Sankt-Peterburg: Ed. M.M. Stasyulevicha. (in Russ).

Smirnov, A.V. (2011) *Chto schitat' veshchestvennym dokazatel'stvom* [What is Con-sidered Evidence]. *Ugolovnyi protsess* [Criminal Process], 4, pp. 28—32. (in Russ).

Strogovich, M.S. (1968) *Kurs sovetskogo ugovnogo processa* [The Course of the So-viet Criminal Process]. Moscow: Nauka. (in Russ).

Treushnikov, M.K. (1997). *Sudebnye dokazatel'stva* [Forensic Evidence]. Moscow: Gorodec. (in Russ).

Foinitsky, I. Ya. (1910). *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva* [Criminal Justice Course]. 3^d ed. In 2 Vols. Vol. 2. Sankt-Peterburg: Ed. Senatskaya. (in Russ).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Россинский Сергей Борисович — главный научный сотрудник сектора уголов-ного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Рос-сийской академии наук, доктор юридических наук, доцент.

AUTHOR'S INFO:

Sergey B. Rossinskiy — chief researcher of the criminal law, criminal procedure and criminology sector of the Institute of state and law of the Russian academy of sciences, doctor of law, associate professor.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Россинский С.Б. Размышления о сущности вещественных доказательств в уголовном судопроизводстве // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2022. Т. 17. № 2. С. 176–197. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-2-rossinskiy

FOR CITATION:

Rossinskiy, S.B. (2022) Reflections on the Essence of Physical Evidence in Criminal Proceedings. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* — Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS, 17(2), pp. 176–197. DOI: 10.35427/2073-4522-2022-17-2-rossinskiy